

Владимир Колесов

Изменение носовых гласных по материалам русских рукописей XI века

Studia Rossica Posnaniensia 2, 97-115

1971

Artykuł został zdigitalizowany i opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

ВЛАДИМИР КОЛЕСОВ

Ленинград

ИЗМЕНЕНИЕ НОСОВЫХ ГЛАСНЫХ ПО МАТЕРИАЛАМ РУССКИХ РУКОПИСЕЙ XI ВЕКА

Не нужно напоминать, какое большое значение придается изменениям носовых гласных в истории славянских языков. После того, как Т. Лер-Сплавиньский обратил внимание на известный параллелизм в развитии праславянских /e/ и /ě/¹, а Н. Ван-Вейк изменение /e/ > /a/ связал со вторичным смягчением согласных² — стала ясной решающая роль утраты ринезма в фонологических преобразованиях не только вокалической, но и консонантной системы позднего праславянского языка. Падение редуцированных, подготовленное, между прочим, именно утратой носовых, оказалось настолько кардинальным изменением, что все этапы „подготовительной” работы были затерты последующими фонетическими и фонологическими изменениями. Во многих отношениях теперь трудно составить даже общую картину изменения носовых гласных.

Поэтому любопытны предпринимавшиеся разными учеными попытки истолковать фонетическую сторону изменения. В последнее время появилось несколько работ типологического характера, обсуждающих вопрос на материале современных славянских языков, утрачивающих носовые гласные³. Несколько раньше были сделаны попытки фонетической интерпретации соответствующих явлений в старославянских памятниках, по авторитетным утверждениям — попытки, не увенчавшиеся успехом⁴. Однако неудачи не должны

¹ Т. Lehr-Splawinski, *O dialektach prasłowiańskich. Studia i szkice wybrane*, I, Warszawa 1957, s. 207 etc.

² N. Van-Wijk, *La genèse de la mouillure des consonnes dans les langues slaves*, Slavica, XV, 1937, s. 1.

³ См.: В. М. Иллич-Свитыч, *О стадиях утраты ринезма в юго-западных македонских говорах*, Вопросы славянского языкознания, вып. 6, Москва 1962; С. М. Толстая, *К типологической интерпретации польского ринезма*, Лингвистические исследования по общей и славянской типологии, Москва 1966, и т.д.

⁴ См.: Л. Милетич, *Следы среднеболгарской замены носовых в новоболгарских наречиях*. В кн.: „Статьи по славяноведению”, II. СПб. 1906; П. А. Бузук, *Замечания о Мариинском евангелии*. Известия ОРЯС, XXIX (1924 г.) и т.д. — и критические замечания: Н. Ван-Вейк, *История старославянского языка*. Москва 1957, стр. 206.

обескураживать в последующих поисках. Совмещая возможности типологического и сравнительно—исторического исследования, можно будет представить основные линии утраты ринезма даже в тех славянских языках, где это изменение завершилось довольно рано. Историческим данным в таком исследовании, разумеется, должно принадлежать первое место.

Ниже излагаются результаты наблюдений над русскими рукописями XI века. Выбор источников определяется необходимостью комплексного изучения группы территориально родственных памятников, а с другой стороны, определенным отходом именно древнерусских источников от последовательного употребления юсов. Последнее обстоятельство существенно, потому что позволяет вести наблюдения над характером исключений и определять возможные условия утраты носовых гласных.

1

Русские рукописи XI века по употреблению юсов делятся на три группы⁵: 1) памятники конца XI века имеют редкие употребления *ѣ* и *ѧ*, что указывает на полное исчезновение фонем /*ѣ*/ и /*ѧ*/ во всех позициях. Так, в знаменитой сентябрьской минее 1095 года, написанной Домкой, только один раз находим юс большой (*звѣзда* на л. 139), *ѧ* встречается чрезвычайно редко (главным образом в сочетании с 'а, последовательно заменяясь на 'а. Если и попадают в это время рукописи с частыми юсами (наиболее показательны в изучении носовых знаки юса большого, поскольку позднее они не использовались для обозначения других фонем), они употребляются столь бессистемно, что ни о каком фонетическом их значении не может быть и речи. Например, в минее конца XI — начала XII в. из Типографского собрания (№ 110) юс большой употребляется 157 раз, в том числе 65 раз на месте *оу*, *ю*.

В более ранних памятниках, середины и второй половины XI века, при наличии взаимного смешения носовых и неносовых, число отклонений от „этимологических” написаний незначительно, и большую часть их можно отнести под определенные правила. Наиболее важным из них является почти последовательное смешение юсов с *оу*, 'а в абсолютном конце слова; появление дат. ед. мужск. рода *раба* и наоборот, вин. ед. женск. рода *женоу* обычно и составляет в это время правило. Примерами таких рукописей могут служить памятники типа Остромирова евангелия 1056 - 1057 гг.

⁵ Н. Н. Дурново представил доказательства того, что почти все примеры смешения юсов с *у*, 'а в русских рукописях XI века являются руссизмами (Н. Н. Дурново, *Русские рукописи XI и XII вв. как памятники старославянского языка*. Лужнословенски Филолог, IV, 1924, стр. 87 - 94). Русские рукописи XI в. из ленинградских собраний (кроме Слов Григория Богослова, изученных по плохому изданию А. Будиловича) в этом исследовании Дурново остались в стороне.

Наконец, можно выделить несколько памятников, наиболее древних из числа восточнославянских, в которых отклонения в употреблении носовых гласных немногочисленны и легко определяются фонетическими условиями. Среди таких рукописей (кроме нескольких отрывков, о которых см. ниже) выделяются два безусловно самых древних больших памятника: Путятинина минея (ГПБ Софийск. собр. № 202) и XIII слов Григория Богослова (ГПБ Q. п. I. 16). Первая рукопись определенно новгородского происхождения и является достаточно древней⁶. Употребление носовых гласных в ней очень любопытно.

2

А и е (также йотованные) употребляются здесь довольно часто и в общем верно. Нет смысла приводить длинные списки примеров, доказывающих это. Ограничимся некоторыми статистическими выкладками.

На первых 50 листах рукописи (всего их 135 — в большую четвертку), если ограничиться пока а, ја в основах, этимологически верно они употреблены 160 раз, а оу, ю вместо юсов 29 раз, юсы вместо оу, ю 34 раза; в окончаниях (одновременно конец слова) этимологически верно они представлены 347 раз (оу, ю вместо юсов 45 раз, юсы на месте оу, ю 18 раз). Таким образом, в 81,2% всех случаев юс большой употреблен верно.

Если в подсчеты включить е, је, эта цифра несколько увеличится, потому что е сохраняется последовательнее юса большого. Однако, учитывая неравномерность употребления закономерных юсов в разных частях памятника и относительную редкость их в общем контексте (в среднем носовые составляли около 7% всех гласных знаков в тексте), наиболее показательными следует признать статистические подсчеты, охватывающие не только юсы, но и а, оу и притом произведенные на тех листах, где отклонений от правильного употребления особенно много. Такими листами, как ни странно, являются листы средней части рукописи. Подсчеты на лл. 57 - 66 дали следующие результаты.

Закономерное употребление: а / 'а — 561 раз (в приставках и корнях 235, в суффиксах 87, в окончаниях 179), оу/ю — 122 раза (в приставках и корнях 48, в суффиксах 8, в окончаниях 66), е / је — 111 раз (в корнях 8, в суффиксах 9, в окончаниях 94), а / ја — 52 раза (в корнях 15, в суффиксах 7, в окончаниях 30). Отклонения: 'а вместо е 69 раз (в корнях 4, в суффиксах 7, в окончаниях 58), оу вместо а 109 раз (в корнях 12, в суффиксах 17, в окончаниях 80), а вместо оу 1 раз (в корне). Таким образом, на 846 верных употреблений приходится 179 случаев смешения юсов с а, оу (из них 138, т. е. 77% на окончание слова). В самой насыщенной исключениями части рукописи находим 21% отклонений.

⁶ См.: В. М. Марков, *К истории редуцированных гласных в русском языке*. Казань 1964.

Останавливаясь на употреблении юсов больших, обнаруживаем высокий процент отклонений именно при твердых основах; ср. в окончании творит. ед. женского рода имен и местоимений на 277 верных употреблений *j̄a* всего 22 раза на его месте *ю*, а в окончании вин. ед. женского рода **ā*=основ 20 написаний с *оу* приходится всего на 70 случаев верного употребления.

При определении звукового качества *q* свое значение имеет следующая орфографическая особенность рукописи. Сочетание =*o+ou*= передается знаками =*o+q̄*=, а сочетание =*o+o*= — знаками =*o+ω*=, ср. *присно qченика* 43, *боqбо* 38, *благоqханиq* 58, *'акоqба* 72 об и др. (примеры типа *'ако j̄aноша* 33 об доказывают, что дело здесь не в графическом совпадении =*o+ou*=), с другой стороны — *младо ωтроче* 41, *'его ω насъ* 26 об и мн. др.⁷ То же при сочетании *ю/оу+оу*, ср. *'емоу qгодивъ/ше* 86 об, *боурю тиши* 91, но не после переднего гласного, где находим: *'еси оутвр̄ждени'е* 61 об, *паче оума* 98 об, 102 и т. д. Из этих сопоставлений выясняется важность положения гласного в начале слова, потому что в других позициях его качество определялось качеством предыдущего согласного.

ОУ на месте *q̄* в конце слов — очень распространенная особенность рукописи. Одновременно в этой позиции возможно и обратное употребление *q̄* на месте *оу*, например, в дат. ед. мужского рода *женихq* 7 об, *мирq* 17 об, *свѣтq* 3 об, *къ немq* 29 и др.

Иначе в середине слова. В корнях здесь также довольно часты замены *q̄* на *оу*, однако это происходит в определенных условиях: только перед взрывным, *чаще* зубным, но также и перед губным и заднеязычным согласным. При этом в случае чередования поствокального согласного *q̄* сохраняется перед невзрывным, ср. *въ соуди* 52 об, *въ съсоудьхъ* 105, но — *осqждени'е* 57, 123 (также *осоуждени'е* 113 об); *кроуq* 97 об, *кроугоу* 103, но — *окрqже-на* 97 об; *роукъ* 58 об, но — *обраqника* 112,; *моукъ* 9, но — *mqченика* 113, ср. также *оугль* 40,41 об, *сqпроуга* 10, 11 об, 51 об, *недоугомъ* 59 об, *застоуть* 54 об, *въ глоубинѣ* 65 об, 122 об и др. Наиболее последовательно новое для морфемы написание с *оу* употребляется в тех корнях, в которых поствокальный зубной не чередуется с каким—либо другим согласным при модификациях корневой морфемы, ср. почти последовательное написание типа *моуд-рость* 51, *моудре* 66, *моудр' ацимъ* 44, об и мн. др. (*мадр*=несколько раз в начале рукописи), *боудеть* 46 об, *боуди* 47, *боудемъ* 59 об, *боудоуще'е* 42 об, *боудqца'а* 125 об и мн. др., *оузы* 64 об, *оть оузь* 119 и др., *поуть* 92 об, 112, 114, 124 об, *поутьмъ* 45 об, *поути* 45 об, *Поутѣта* 135 и мн. др., различные формы слова *прапроуда* и глагольные окончания в 3 лице мн. числа настоящего времени перед /т/ типа *могоуть* 95 об. Такова абсолютно слабая (изолированная) позиция /q̄/. Отмеченные из этого распределения исключения:

⁷ См.: В. М. Марков, указ. соч., стр. 14.

окроужи/б, несколько раз *моужь*, *моужьскы* и, наоборот, *а* вместо *оу* в *бестадьно* 58 об.

В некоторых случаях, несмотря на этимологически достоверные параллели, нет уверенности в том, что именно *а* является исходным в праславянском корне⁸. Из встретившихся в минее сюда следовало бы отнести колебание *отрапивѣша* 25 при *строупи* 25, *строупы* 63 об (только в польском отражается колебание *strep-strup*).

Все остальные замены *оу* на *а* очень показательны: они происходят в положении перед /ш/, /ж/, /м/: *бездѣшныхъ* 20, *издѣшетъ* 99, *искѣшени'е* 10 об, *искѣшеваинъ* 22 об, *исѣши* 123 об, *слажительница* 78 об, *слажител'а* 25 об, *подражи'емь* 7, *стражите* 20 об, *стражемь* 65 об и особенно часто перед /м/, ср. *размѣни'а* 2, *зломѣ* а 10, *съ шѣмь* 16 об, *ни ѣмь* 21 об, *паче ѣма* 97 об, *гламл'ени'е* 101 об, *вѣчнамоу* 8 об, *падиѣмоу* 14, *прѣчѣмоу* 30, *неиздреченьѣмоу* 31, *пърѣѣмоу* 31 об, *непороч'ѣмоу* 33 об, *възлюбл'енѣмоу* 32, *въплъшьѣмоу* 32, *чьстьноуѣмоу* 61, *къ теплоуѣмоу* 122 об, *прострьшьѣмоу* 122 об, *разоумьноуѣмоу* 115, *оукромьноуѣмоу* 115, *къ вышьнюѣмоу* 93, *бжствьноуѣмоу* 93, *любодѣ'анноуѣмоу* 103 и мн. др. Особенно много примеров в абсолютно сильной позиции — в той морфеме где /у/ постоянно находится в положении перед /м/.

Все это убедительно указывает на характер /а/: задний лабиализованный гласный с носовым консонантным призвуком, который мог исчезать в конце слова и перед взрывным согласным, но сохранялся (или возникал из /у/) перед согласным, который так или иначе был связан с движением небной занавески (дополнительная консонантная артикуляция). Такое расширительное понимание условий перехода следует сделать потому, что в памятнике отмечены единичные случаи изменения перед йотом и аффрикатами: *лѣчь* 13, *лѣча* 25 (но обычно *лоуча* 3, *лоуча* 27 и мн. др.), *шѣ'ааго* 97, *наждеѣѣ* 22, *наждеѣѣ* 31 и под., тогда как *оу* > *а* перед другими фрикативными шумными довольно редки, ср. *по сѣхоу* 9, *сѣхое* 92 об, *на сѣсе древе* 90 об (наряду с этимологическими написанием *по соухоу* 130; впрочем, во всех русских рукописях XI века это слово пишется с юсом). Общим признаком носового /м/ и среднеязычных (по основному или второму фокусу) /ш'ж'ч', ж' д' ж', j/ является именно дополнительная артикуляция в области мягкого неба. Редкость примеров может объясняться низкой частотностью соответствующих сочетаний (так, не встретилось примеров изменения в сочетаниях типа =оун=).

Таким образом, анализ написаний в минее указывает на употребление — в середине слова: *а* < *и* и *а* перед *ш' ж' ч' j m (n)*...

и < *а* и *и* перед взрывными согласными;

⁸ Обсуждение вопроса см.: Т. Lehr-Splawinski. *O dubletach słowiańskich z a i u. Studia i szkice wybrane*, I, Warszawa 1957, s. 191 etc.; F. Sławski, *Oboczność a : u w językach słowiańskich*. *Slavia Occidentalis*, XVIII, 1947.

в начале слова: а̇ после губных гласных
 и после негубных гласных;
 в конце слова безразличное смешение а̇ и и.

Только в конце слова нет дополнительного распределения между а̇ и и, в остальных двух позициях отражается перераспределение носового и неносового гласного. Судя по его условиям, а̇ был более огублен и характеризовался носовым консонантом в исходе: [°u^m] по сравнению с [и]. Для подтверждения такого соотношения вступающих в столкновение фонем важно типологическое сходство условий приведенного варьирования с современными польскими данными, например, в середине слова:

а̇ < оN и а̇ перед фрикативными
 оN < оN и а̇ перед взрывными.

Как известно, такое распределение в польском обнаруживается (с известными исключениями) уже в самых ранних памятниках, и не является доказательством дефонологизации /а/. По—видимому, и материал Путьятиной минеи указывает различие между /и/ и /а/ (и и и^m), подтверждая справедливость выведенной С. М. Толстой общей типологической закономерности в развитии славянского ринезма: при трех обычных степенях „назальности” (А—Е—AN) наиболее устойчивыми оказываются системы либо с одним крайним членом (А или AN), либо с двумя крайними (А и AN), тогда как системы с одним средним (только Е) или с одним средним и одним крайним членом (Е и А или Е и AN) неустойчивы и стремятся к преобразованию в устойчивые системы⁹. Временная устойчивость системы, отраженной в минее, достигается за счет позиционного распределения по типу А и AN (т. е. и и и^m), а фонематический статус /и/ и /ц/ поддерживается разным набором конститутивных признаков в синтагматической системе фонем (например, разной степенью лабиализации согласного перед ними, и т. д.) и возможностью противопоставления в начале слова. Фонетически в этой системе нет чисто носовых гласных, фонема /ц/ представляет собою варианты с носовым согласным в исходе, что и приводит к последовательной нейтрализации /и/ и /ц/ в конце слова.

3

Не все русские рукописи указывают на подобное распределение а̇ и оу. В некоторых случаях, несмотря на редкость смешения этих букв, можно определенно говорить о полном исчезновении носовых в говоре писца. В Евгениевской псалтири XI в. (ГПБ, собр. Погодина 9) корневой а̇ пишется 97 раз, корневой оу — 48 раз, оу вместо а̇ — 6, а̇ вместо оу — 1 раз (*вънцши*), во флексиях исконный а̇ верно пишется 144 раза (в конце слова) и 54 раза перед согласным; нарушений (оу вместо а̇) немного — в конце слова 30 раз и перед

⁹ См.: С. М. Толстая, указ. соч., стр. 137 - 138.

согласным 6 раз. Только в конечном слоге возможно уже и *ǫ* вместо *ou*, а это определенно указывает на утрату носового гласного в этом положении.

Наименее показательны рукописи XI века, сохранившиеся в небольших отрывках. Житие Феклы (ГПБ, собр. Погодина 63) дает только два отклонения от исконного написания *ou* и *ǫ*: *разамѣи* и 3 *първома/ченице* 2 об. В Златоструе (ГПБ Q. п. I. 74) на 64 верных употреблении большого юса приходится два отклонения (*моужа* 3, *прѣмоудрости* 3 об) с частыми *ǫ* вместо *ou*, ср. *кратциъ*, *даша*, *слагы*, *изъатра* (л. 2) *драгааго*, *безамѣе*, *тачеја* (л. 4) и т. д.

Эти факты можно было бы интерпретировать фонетически. Например, можно было бы отметить, что в житии *ǫ* вместо *ou* появляется в положении перед /м/, а *ou* вместо *ǫ*, наоборот, в положении после /м/. Это соответствует известным нам данным о фонетических условиях утраты носовых гласных. В Златоструе также *ou* вместо *ǫ* пишется только после /м/ — с очень распространенной обратной заменой независимо от каких-либо условий (но не после /н/ или /л/). Обе рукописи отражают какое-то позиционное перераспределение /ǫ/ и /u/. Это тем более верно, что подавляющее большинство (в некоторых рукописях — только) написаний с *o* вместо *ǫ* приходится именно на положение после /м/, ср. примеры в Путятиной минее *въ мокахъ* 9 об, *измочивьсе макъ* 48 об. Однако из-за недостатка материала говорить о подобном распределении можно только предположительно. Показателен сам факт возможности движения /ǫ/ не только в сторону /u/, но и (позиционно) в сторону /o/: нет ли в этом указания на разную степень подъема /ǫ/ и /u/?

4

Более интересный материал дает большая рукопись XIII слов Григория Богослова; *ǫ* здесь употребляется вообще довольно последовательно, исключений не очень много даже в конце слова. Оставляя пока в стороне употребление носовых в суффиксах и в окончаниях, сосредоточим внимание на корневых морфемах, которые, как это можно судить и по другим изменениям вокализма, наиболее долго сохраняют первоначальное распределение фонем.

Всего в рукописи 2650 „этимологически” верных употреблений *ou* и *ǫ* в корнях слов и 95 исключений (т.е. 3,4% от общего числа *ou* и *ǫ*, употребленных в корне слова). Верно пишется *ǫ* в корнях (в порядке уменьшения частотности) *бад*=250, *раѳ*=/раѳ=/ *раѳ*=119, *стап*=113, *сад*=/сажд=112, *маж*=100, *маѳ*=/маѳ=/ *маѳ*=69, *паѳ*=51, *раѳ*=/ раѳ=46, *ѳтр(оба)*=37, *глаѳ*=36, *даѳ*=/ даѳ=/ *даѳ*=34, *ѳз*=19, *таѳ*=/ таѳ=/ *таѳ*=18 *праѳ*=/ *праѳ*=16, *блаѳ*=/ *блаѳ*=15, *хаѳож*=14, *краѳ*=/ *краѳ*=9, *маѳ*=/ *маѳ*=9, *скаѳ*=9, *граѳ*=6, *гаѳ*= (и *гаѳ*) 6, *траѳ*=6, *ѳж*=6, *граѳ*=/ *граѳ*=5, *каѳ*=/ *каѳ*=5, *паѳ(ина)* 4, *даѳ*=3, *голаѳ*=2, *граѳ*=2, *саѳота* 2, *траѳ*=2, по одному разу *вельблаѳ*=, *зѳаѳ*=, *лаѳ*=, *паѳаѳ*=, *праѳ*= *паѳ*=, *паѳ*=, *скаѳ*=, *спаѳ*=, *саѳл*=, *ѳгль*, *ѳс*=, *ѳх* (нюх)— всего 1204 раза (в подсчеты включена также

форма сать 66 раз) при 37 случаях с *оу* на месте *а* (т. е. около 3% исключений).

ОУ верно пишется в корнях *оум*=346, *дроуг*=/*дрож*=/*дроуз*=178, *оуч*=124, *троуд*=/*троужд*=91, *коуп*=80, *доух*=/*доуш*=/*доус*=77, *слоух*=/*слоуш*=/*слоус*=67, *поуст*=/*поушт*=53, *гоуб*=47, *слоуг*=/*слоуж*=/*слоуз*=47, *хоуд*=/*хоуж*=/*хоужд*=36, *хоул*=32, *оун*=29, *кроух*=/*кроуш*=17, *оуд*=16, *боуи* 15, *роух*=/*роуш*=15, *тоу(т)* 15, *стоуд*=13, *тоужд*=11, *тоун*=10, *оуст(а)* 10, *оух*=/*оуш*=10, *соу'е* 9, *оутр*=9, *коуд*=/*коужд*=6, *коумир*=6, *боур*=5, *тоуч*=4, *Исоус*=3, *строуп*=3, *=оу*= (*обувь*) 3, *оузд*=3, *глоум*=2, *глоух*=2, *лоун*=2, *лоуч*=2, *моух*=2, *строуна* 2, *соух*=/*соуш*=2, *оуг*=/*оуж*=2, по одному разу *боудити*, *въноуци*, *гоумьно*, *доупьло*, *игоумень*, *иоуль*, *кроупа*, *коуколь*, *плоути*, *строу(я)*, *хероувимь* — всего 1446 раз при 58 случаях с *а* на месте *оу* (т. е. 3,8% отклонений).

Не включены в подсчеты:

- (1) *кас*=/*каш*=17 и *коус*=/*коуш*=47
 - (2) *лак*=/*лач*=53 и *лоук*=/*лоуч*=87
 - (3) *мад*=/*мажд*=5 и *моуд*=/*моужд*=3
 - (4) *мадр*=/*маждр*=147 и *моудр*=/*моуждр*=5
- (=252) (5) *над*=/*нажд*=30 и *ноуд*=/*ноужд*=41 (=183)

В этих словах возможны позднейшие контаминации (1 и 2) или влияние предшествующего носового согласного (3, 4 и 5), приведшее к широкой дублетности еще в праславянском (колебания в выделенных корнях возможных и в тех старославянских памятниках, которые написаны не у восточных славян). В одном случае имеем дело с определенной опiskeй: при переносе под влиянием следующего юса написано *сла/жа* 65 об.

Все остальные исключения, основанные на каком-то условии варьирования, определяются положением в долгом или кратком слоге.

а на месте оу в кратком слоге

Боудити: *възбадѣти* 185, 362 об (но *оубоудѣтсе* 308 об) — чешск. *buditi*, словацк. *budit'*;

гоуб=: *пагѣба* 49, 81 об, *погѣбла'аште* 206, *погѣбѣти* 251 об — чешск. и словацк. *záhuba*, чешск. *hubiti*, *zahubiti* словацк. *zhubit'*;

доух=: *въздахъ* 35, *въздашьна'а* 38, *да/хоу* 293 — чешск. и словацк. *vzduch*, чешск. *duch*, *vzdušny*;

Исоус=: *о Христѣ Исѣсѣ* 231 об — словацк. *Ježis*, но чешск. *Ježíš*;

кроуш=: *крѣшѣти* 68 об — чешск. *krušiti*, словацк. *krušit'*, *krušenie*

коуп=: *вкѣпѣ* 58 — чешск. *кура* 'куча' но с.-х. *кўпа*,

поуст=: *пѣстѣть* 69 об и др., *пѣцень* 89 об, 93 и др., *пѣстын'а* 249, *пѣстынѣ* 206 и др. (часто) — чешск. *pustiti*, словацк. *pusta* 'степь', *(s)pustit'*, *opusteny*, но *púš'at'*, также *опѣстени'е* 260 об при чешск. *opuštěný*;

роух= : *раздрашихомьсе* 234, об, *раздрашиши* 251 — чешск. *rušiti, razrušiti, porušovati*, словацк. *rušit', rušitel'*;

стоуд= : *и иже от скверныхъ стѣди* 267 об — чешск. и словацк. *stud, чешск. stydětí, se, стыдно*;

соуе= : *въ са'етѣ* 294,

соух= : *на сѣсѣ* 53, *въ сѣхъныхъ* 133, *сѣхоты дѣл'а* 170 об — чешск. (также словацк.) *sucho, suše, suchost, suchý, sušiti, sušidlo*;

троуд= : *традывьсе* 47, *потрадитисе* 15 (в именных формах нет) — чешск. *truditi, trudník, trud, trudnomysel'ny*;

оузд= : *ѡздѣ* 207, об, *на ѡздыню ноуждоу* 338 — чешск. *uzda, uzdu*, словацк. *uzda*;

оум= : *разамѣти* 64, 225 об, *оуразамѣвъ* 221, *без ѡма* 92 об, но также и под новоакутовой интонацией (если это слово исконно окситонировано, в чем большинство ученых сомневается, относя его к числу подвижных), ср. *безѡми'е* 3, 5, 64, *безѡмьно* 112, об *разѡмьныи* 135 об, хотя в чешск. одинаково *um, rozum, rozumny* etc. но *rozoumek* при словацк. *um, umelost'*; в приставочных памятник дает *ou*, ср. *разоумъ* 332 об, *съ разоумомъ* 236 об и др.,

оун= : *и ѡна зѣло (его)* 231,

=оушт= : *въ обѡштѣ обоувени* 343 (может быть описка под влиянием следующего слога), ср. в чешск. и словацк. *obiv, obivný, obouvati*;

хоуд= : *хѡдо* 50 об, *хѡды* 26 об, *охѡдити* 49 об, *охѡжа'емъ* 49 об, *хѡдоѣѡ одеждеѣѡ* 192, *съ хѡдѣмъ и маломъ* 222 об, *хѡжде* 255 об, но *хоудѡ* 223, *хоужде* 260, *хоудо* 254 об, *хоудаго* 300 об и мн. др. — чешск. *chud, chuda, chudo, chudě*, словацк. *chudy, chudnút'* словинцк. кашубск. *xũdo*;

хоул= : (мы) *хѡлимъ* 79 об, *хѡлоѣѡ* 49, *хѡлѣще* 175 об — чешск. *chouliti*, словацк. *chúlit'*, что может быть вторично, поскольку исконна старовосходящая интонация корня, которая должна отразиться в краткости, ср. с.=х. *хѡла*,

стоужд= : *таждаахѣ* 26 — чешск. *zízi*, но с.=х. *tjĥ*, женск. род *tjĥa*, также *тjĥити се*.

Определенно в долгом слоге ѣ вместо оу только один раз: *въ ѡстѣхъ страсть* 217, ср. чешск. *ústa, do úst, v ústech* словацк. *ústa*;

оу в место ѣ в кратком слоге

Блад= : *блоуд'ьнѣѡ* — 279 — чешск. и словацк. *blud*, польск. *blad, błędu, błędność*, в древнерусском постоянное ударение на окончании и, следовательно, краткость второго предупредительного слога;

бад= : *боудеть* 189 об, 225, *да боуде'тъ* 350 об, *къ боудѡщимъ* 81, *бу'дѣте* 18, *бѣль боуди'* 121 об, *да боудеть* 122 — чешск. *budi*, польск. *będe*;

глаб= : *глоубины* 130, *глоубока страсть* 191 об — чешск. *hluboky, hlubina*, польск. *głęb, głębi (głęb), głębina*;

даг = : недоуга 274 об, недоужьньихъ 168 об — чешск. *neduh, dužo*, словацк. *neduh, neduživec*;

лаг = : и лоугы ваше ... побихъ 312 — чешск. и словацк. *luh*, польск. *lag (leg), łęga*;

маж = : моужь 130, моужа 21, мужи 18 об, мужьскоу 180, мужьствоу 213 об, 265, не мужьства 339 и др. — чешск. *muž, mužstvo*, польск. *mąż, męża, męstwo, męski*;

мак = : моучивъшеисе 373, моукою 373, оживь мучимъ 349 — чешск. и словацк. *muca, mučiti*, польск. *męka, męczyć*;

рак = : роукою 178, оть роукою вашею 202 об, пороучени'е 165, пороучити 165 об — чешск. *ruka*, польск. *reka*, словацк. *poručiť* etc.;

стап = : застоуповани'е 189, постоупивъшю 261 об, стоупивъ 21 и др. — польск. *step* 'шаг', *stępa, stępica*, чешск. *stupeň, stupnej*, но *stúpic*, словацк. *stupeň, stupnovat'*;

трас = : троу/съмь разорены 257 — словацк. *trus* 'помет';

оугл = : оугли (им. мн.) 308 — чешск. *uhel*, словацк. *uhlie*, польск. *węgiel*;

оу вместо а в долгом слоге

Крат = : въскроуць/ на главѣ 322, съкроучаеся 282, но кратеущисе 271 при колебаниях в славянских языках, ср. польск. *krącić* и *kręcić*, словацк. *krútiť*, но в сложных прилагательных *krutohlav*, ср. еще чешск. *krut, vykruť* и др., но *krouťiti*;

лақ = : лоукавьнь 149 об, въ лоукавьнѣмь 313, лоукаваго 352 — чешск. *louka* 'луг', словацк. *lúka*, польск. *łąka*, с. = х. *лўка*;

мадр = : оумоудрити 211, о прѣмоудрости 352, прѣмоудрость 136, об, 193 об, прѣмоудрости 193 — польск. *mądry, mądrość, mądrzyć* (но *mędrzec*) чешск. *moudrě, moudrost* (но *mudrc, mudrovati*), словацк. *múdro, múdret'* словацк. кашубск. *mõudrã*;

паг = : инѣмь поутьмь 363 об, вин. мн. поути 294 об при словацк. *prúť, púťník*, чешск. (поэтическ.) *rouťník*, также *rouť*;

скад = : оску/дѣ дѣмъчи о/скоудѣ слово 312, 'ако же ни скоудоумоу печалити 327 об при отсутствии надежных параллелей в славянских языках;

траб = : глась/ троубьньи 325 об, троубоужитя въплъмь 146 (но в именных формах всегда пишется юс) — чешск. *trouba, troubiti* (но *trubač*), словацк. *trúba, trúbit'* (но *trubač, trubica*), польск. *trąba* (но *trębacz*);

таж = : 'аки и наки тоужими 367 об, аште не стоужимси въ печальхъ 361 об, тоужимъ 190 (но не в инфинитиве и не в именной форме) — польск. *tażyć* (но *tegy, tęgość*), чешск. *touha, toužiti* словацк. *túha, túžiť'* (ср. 3 лицо мн. числа *túžia*);

ах = : (благо)оухани'е (дважды) прилагоа/хани'а 150 — польск. *węch* 'нюх', но *wąchać* 'нюхать', в словацк. краткость корня в глагольной форме *ňuchať* и в производном имени (*ňuchač* 'нос').

Следует оговорить, что многие примеры с *ou* на месте *a* в долгом слоге сомнительны в том смысле, что в описываемую эпоху эти слоги могли быть краткими. В частности, в корне *пѣт* = *ou* вместо *a* отмечен в тех формах (творит. ед. и вин. мн.), которые в древнерусских акцентованных рукописях дают ударение с возможной оттяжкой на предлог (что доказывает краткость корневого слога после сокращения нисходящих долгот), ср. *путьем* в Сб. ХУІ в. (ГПБ Соф. 1409, л. 283) или вин. мн. *на пути* во всех томах Лицевого свода ХУІ в. Впрочем, в Чудовском новом завете ХУІ века вин. мн. *путьи* 67 б, как и род. ед. *путьи* 93 б при творит. мн. *путьми* 68 в.

В некоторых случаях (например, в *скад* =, ср. с. = х. *оскудан*, *скѣдити*, что указывает на краткость корневого слога) исконные количественные отношения трудно определить, а в других (*мадр* = или *маж* =) возможна утрата ринезма после /м/. Вообще можно заметить, что *ou* вместо *a* появляется в таком долгом слоге, который в пределах морфемы чередовался с кратким — это правило не распространяется, пожалуй, только на основу *лѣкав* =. Строго говоря, сопоставления с западнославянскими языками не всегда корректны. Известно, что краткость корневого слога подвижных имен в этих языках является обобщенной, т.е. для многих падежных форм — вторичной. В таких случаях необходимы некоторые коррективы. Уточнения показывают, например, что все именные формы с возможным *ou* на месте *a* являлись первоначально ударными, т.е. имели исконное нисходящее (им. ед. *моужь*, вин. ед. *роукоу* и под.) или исконное восходящее ударение корня (*мука*, *ступа* и т.д. в числе перечисленных), что дало впоследствии рефлекс краткости в западнославянских языках (кроме чешского для акутовой интонации). Любопытно, в частности, употребление *ou* вместо *a* только в презенсных формах отыменных глаголов типа *мажити* и *трабити*: по правилу Н. Ван—Вейка только такие формы дают старое накоренное ударение, а, следовательно, только в таких формах возможна краткость. Уточнения убедительно показывают, что распределение количества во всех наших отклонениях может иметь праславянский характер, еще не затронутый позднейшими обобщениями никаких форм, даже производных (так, формы *моужьскоу*, *моужьствоу*, *пороучени'е* и под. указывают на сохранение исконного конечного ударения и соответственно — на краткость второго предударного слога). По-видимому, почти все примеры третьей группы войдут в число примеров с изменением *a* в *ou* только в кратком слоге.

С приведенными данными интересно сопоставить количественные отношения в корнях, не дающих никаких отклонений от „этимологического” написания — это определенно долгие слоги. *OU* и *a* в долгом слоге при отсутствии позиционного чередования с кратким, как правило, не смешиваются. Всегда с *ou* пишутся:

коуп = (в сочетаниях и значениях 'купить', 'купец', 'совокупить') ср. чешск.

kouřě 'покупка', *koupiti* (но *kurčiti* 'торговать', *kupec*), словацк. *kúpne* 'покупная цена', *kúpiť* (но *kupec*, *kurčit'*);

боур'а, ср. чешск. *bouře*, кашубск. *b^uuřã*, словацк. *búrat'* 'рушить';

кроупа, ср. чешск. *kroupa*, словацк. *krúpa*;

оуд, ср. чешск. и словацк. *úd*, словенск. *úd*, с. = х. *ýd*, также *údo* 'кусочек (мяса)';

Всегда с *ą* пишутся:

сад = : польск. *sąd*, *sądu*, *sądzić*, *sądny*, чешск. *soud*, *souditi*, *soudní*, словацк. *súd*, *súdny*, *súdiť*;

ąтр(оба): польск. *wątroba*, чешск. и словацк. pl. *útroby*;

раг = : польск. *uragać się* 'глумиться', *uragliwy* 'ругательный', чешск. *rouhaní* 'хула', *rouhač* 'хулитель' (но *ruh*, *ruhati*), словацк. *rúhanie*;

граз = : польск. *grazić*, *grazel* 'грузило', чешск. *hrouziti*, словацк. *hrúz(ik)* 'пескарь';

маг = : польск. *mącić*, *mąteu* (= *twi*) 'мутовка', чешск. *moutiti*, *moutev* 'мутовка', словацк. *mútiť*, *mútno*, *mútnosť*, *mútny*;

спад = : польск. *spąd* 'мера хлеба', чешск. *spoud*;

скап = : польск. *skapieć*, *skapiec*, *skapro*, *skapstwo*, словинцк. кашубск. *skōupe*, чешск. *skoupost*, *skoupyj*, словацк. *skúpo*, *skúpost'* *skúpy* etc.;

блад = : (в глагольных формах) польск. *blądzić*, чешск. *blouditi*, словацк. *blúdiť*, *blúdenie* (но *blud*);

каг = : чешск. *kout* 'угол', *kouteček*, словацк. *kút*, польск. *kąt*, *kątu*, *kątek*;

ғс = : польск. *wąs*, pl. *wąsy*.

Сюда же отнесем форму 3 лица множ. числа настоящего времени *сать* — польск. *są*, чешск. (литерат.) *jsou*. Такое же положение, впрочем и в других морфемах, ср. последовательное написание *ną* в инфинитиве глаголов П класса и в причастных формах. Указание на долготу *n̄* находим во всех славянских языках, ср. польск. *więdnąć*, словинцк. кашубск. *vjãgnõis*, словацк. *vädnúť* чешск. *vadnouti* 'вянуть' и т.д.

Отсутствие взаимных смешений *ou* и *ą* в кратких слогах менее показательное, потому что касается только малочастотных корней, ср. *граб* =, *ағж* =, *даб* =, *голаб* =, *град* =, *падити*, *ағл* =, 'угол', *сапл* = с одной стороны, и *слоуга*, *лоуна*, *глоух* =, *оухо*, *тоучьн* =, *боуи* = и проч. — с другой стороны. Кроме того, именно здесь возможны чередования краткой позиции с долгой (с возможными колебаниями), ср.:

краг = : польск. *krag*, *kreğu*, но *krażić* *krażly*, также чешск. и словацк. *kruh*, но чешск. *okrouhlý*, *okroužiti*, словацк. *krúžiti* etc.;

ғасли : польск. *geśle*, словацк. *husle*, но чешск. *housle* и *houslař*

праг = : польск. *pręt*, но *prątek*, чешск. *prut*, но *proutek* etc., ср. словацк. *prút*, *prútovy*.

В других случаях сопоставления с современными славянскими языками не доказательны из—за отсутствия аналогичной формы, ср. польск. *pekać*,

чешск. *řikati*, словацк. *řikat'* в значении 'лопаться', что указывает на краткость корневого слога, однако нет уверенности, что в древнерусском *пачина* предударный слог был кратким, хотя соотношение этих слов и соответствует обычным этимологиям.

5

Выводом из всего рассмотренного материала является следующее положение: /o/ и /u/ различаются в долгом и совпадают в кратком слоге. Общее направление изменения — в сторону совпадения /a/ с /u/; в рукописи отражается начало этого изменения, именно: /a/ > /u/ в долгом слоге только тех морфем, которые вступали в чередование с кратким (непоследовательное выравнивание в пределах одной морфемы).

Еще И. Миккола на основе древнейших заимствований из восточнославянских в западнофинские языки предположил наличие старого противопоставления долгого носового /ā/ краткому /ǣ/¹⁰. Позднее на тех же примерах ту же мысль неоднократно высказывал В. Р. Кипарский¹¹. Справедливость ее подтверждается не только теоретическими предположениями на основе известных просодических изменений праславянского языка, но и приведенными данными одной из древнейших рукописей восточнославянского происхождения. Необходимо только сделать одно уточнение.

Примеры показывают, что краткие носовые гласные являются позиционными вариантами долгих; в самом деле, смешение юса и оу происходит в слогах, сократившихся в позднем праславянском языке:

1. в подударном долгом первого слога многосложного слова (*суета, хулити, будеть* и проч.),
2. во втором предударном слоге многосложного слова (*душная, блудьную, глубины, глубоку* и проч.),
3. в заударном срединном слоге (*пагуба, на соусе* и проч.),
4. в предударном начальном перед ударным срединным слогом, который является исконно долгим (*будити, губити, кружити, пустыня, трудивься, разумети, охудити, туждааху* и проч.),
5. в подударном акутовом слоге (*Исусь, въкупё*).

В то же время долгота сохраняется в предударном слоге, если подударный был краток (*мудрость, утроба* и проч.), а также в подударном слоге с новоакутовой интонацией (*путьмь, трубный, буря, сать* и т.д.), Остальные по-

¹⁰ См.: J. J. Mikkola, *Berührungen zwischen den Westfinnischen und slavischen Sprachen*, Helsingfors 1893, стр. 48 - 52.

¹¹ См.: В. Р. Кипарский, *О хронологии славяно-финских лексических отношений*. Scando-Slavica, IV, 1958, стр. 127 - 136; *Chronologie des relations slavobaltiques et slavo-finnoises*. RÉS, XXIV, 1948; *Russische historische Grammatik*, I., Heidelberg 1963, стр. 80 - 82 etc.

дударные слоги дают колебания во всех славянских языках, и в нашей рукописи также, ср. рефлекс исконного акута в чешском (сохранение долготы в *хулити*) и ее сокращение в остальных славянских языках (примеры, связанные с корнями *хула*, *мука*, *ступа* и т.д.). Колебания в других примерах объясняются неясностью старого места ударения, например — сокращение первого слога возможно в слове *соухоты* только в случае наконечного ударения, тогда как насуффиксное ударение (также возможное в древних источниках) указывало бы на сохранение исконной долготы первого слога.

Таким образом, с фонологической точки зрения в говоре, отраженном рукописью, существует противопоставление фонем /a/ и /u/ — противопоставление, которое нейтрализуется в слабой позиции (в кратком слоге)

$$\begin{array}{l} \ddot{a} \\ \bar{u} \end{array} \rangle \ddot{y}.$$

Это объясняет, почему в абсолютно слабой (т. е. всегда слабой, изолированной — всегда краткой) позиции конца слова смещение юсов с *ou*, 'а наиболее распространено во всех русских рукописях первой половины XI века: независимо от условий нейтрализации эта позиция всегда является изолированной морфологически.

6

Изучение изменений фонемы /ε/ сталкивается с рядом трудностей, связанных прежде всего с орфографическими изменениями обозначения предшествующих согласных. Однако в этом смысле рассмотрение некоторых фактов Пуятиной минеи оказывается чрезвычайно важным.

В отличие от *а*, сравнительно с *ја* исчезающего наиболее активно, *ε* сохраняется лучше, чем *јε*. Это можно было бы связать с неравномерностью утраты ринезма у разных носовых гласных. В положении после гласных написание *јε* ограничивается считанными случаями и представляет собою скорее исключение, чем правило: *јε* довольно последовательно заменяется на 'а.

ε в известных случаях также заменяется на 'а, хотя здесь имеются различия. В корневых морфемах *ε* > 'а после букв, обозначающих /j/, /r/, /l/, /n/ обязательно перед переднеязычным (главным образом перед зубным), ср. *гр'адоушта'а* 58 об (но *гредеть* 42), *кн'азь* 109, *по р'ада* 54, *издр'а'дьно* 71 об, *сѣтр'ась* 134, об, *неоув'ада'емыи* 130 об, *сѣв'азаста* 11, *сѣв'азана* 122 об, *сѣв'аза'ема* 11 (но *сѣвезань* 123 и др.) и т.д., особенно в суффиксе причастий от глаголов IV класса, т. е. *мол'аште* 125, *зър'аштимъ* 20, *бол'ащоу* 94 об, *моудр'ащимъ* 44 об, *гор'аща'а* 53 и мн. др., также в конце слова: *зър'а* 63, *хран'а* 5, *мол'а* 63, *съл'а* 54 об и др. (в причастных формах всего — *л'а* 32 раза, *н'а* 8 раз, *р'а* 25 раз). Исключениями являются примеры *аз'ащи* 45 об, *тръп'ащи* 1 об, *тръп'аште* 81. Последовательно 'а вместо *ε* пишется

в тех случаях, когда поствокальный согласный не изменяется в морфологических варьированиях слова, например: *при'ати* 16, 18 об, *при'ать* 50 об, 57, 74 *въспри'ани'е* 94, *при'асте* 86, *непри'азмины* 67, *бг^нпри'атьникъ* 69 и мн. др. (при всех изменениях за носовым гласным следует переднеязычный согласный). Из отмеченных традиционных написаний такого рода можно указать только *обети* 62, *възетъ* 49 об, *приѣтно* 69. Ср. также постоянное написание *'азыкъ* 30, 40, *'азыками* 110 и мн. др. (с очень редкими традиционными написаниями *ѣзычнѣ'а* 39, об, *ѣзыкы* 38 об). Обратная замена 'а на е в середине слова лишь однажды перед /м/: *кроплѣми* 87.

Написания традиционного плана и в конце слова являются редкими после указанных согласных (*творѣ* 109 об, *веселѣ* 123, *зырѣ* 83). Наоборот, только с е пишутся причастия, образованные от основ на согласные, не парные по мягкости — твердости, ср. *свѣтѣ* 31, *носѣ* 41, *сѣдеи* 47, *трьпѣ* 26, *хотѣ* 3, *садѣ* 22 об, *красѣсѣ* 25, *ищѣ* 99 об, *слоужѣ* 109, *ходѣцааго* 144, *любѣши* 119 об, *приносѣшите* 78 об, *хотѣщија* 98 и мн. др. без исключений.

В других грамматических формах 'а вместо е также возможно лишь после парных по мягкости-твердости (и йота), ср. род. п. ед. числа *jā=основ *милостын'а* 63 об, *зар'а* 106, *земл'а* 7, 28, об, 29, 72 об, 104, 106 об (2 раза), 133 об, *боур'а* 113 об, 114, *вон'а* 4 об (возможны и традиционные написания типа *отъ боурѣ* 64 об. *отъ зем'лѣ* 79 об, 92 и др.); вин. п. мн. числа имен мужского рода *мѣчител'а* 58, 63 об, но — *дожде* 128 об, 129 об и под.; им. п. ед. числа среднего рода *'агн'а* 26, 57, но — *имѣ* 22, *отрочѣ* 39 об, *брѣмѣ* 91 об, *сѣмѣ* 121 об и под. В рукописи 43 раза употреблено наречие *нын'а* при 3 *нынѣ* (один раз встречен русский вариант *нынѣ* 122 об). Единственным исключением могло бы явиться написание *съ отроч'атьмь* 98, однако 'а написано по подтертому е, и потому данный пример лучше не принимать во внимание. Наконец, из многих сотен употреблений энклитических местоимений *мѣ*, *тѣ*, *сѣ* только в трех случаях находим *т'а* 28, 103, *с'а* 53 об. Таким образом, подавляющее число примеров с 'а на месте е касается положения после букв, обозначающих /р'/, /л'/, /н'/.

Чтобы понять значение этого факта и дать ему объяснение, следует остановиться на важной особенности рукописи. В Путятиной минее почти последовательно отмечается мягкость предшествующего /р'/, /л'/, /н'/ в написаниях типа *дрѣвл'е*, *зан'е*, *съгн'етень*, род. ед. *вон'а*, *помышл'ени'е*, *въдвар'а'асѣ* и др. (419 раз во всех грамматических формах). Наряду с этим возможно и не „этимологическое” написание *л'е*, *р'е*, *н'е* на месте *ле*, *ре*, *не*, ср. *въ пел'енаахъ* 97, *прѣл'етѣ* 131, об *възл'етѣ* 17, *'ел'еньскы'а* 46, *л'ежаши* 103 об, *възл'егъ* 30, 37 об, 38 об (ср. *възлѣгъ* 35), *вѣньць съпл'етъ* 134 об, *въ пл'еснь* 92 об, *пл'еснома* 93, *'ел'еноу* 88 об, *'ел'ень* 38, *Феодоул'е* (зват. форма) 8 об, *апл'е* (зват. форма) 35, 111 и др., *поср'едѣ* 81, *неиздр'еченьнѣ* 18, *съгн'етень* 12 об, *инопл'емь/никъ* 5, 49 об, *тѣл'есна'а* 12 об, *тѣл'есъ* 20, *тѣл'есноја* 120,

тѣл'есьныма 51 об, *тѣл'есноюю* 21, *тѣл'есьно'е* 81, *тѣл'есе* 108, *дѣл'есемь* 34, *кол'есница* 49, *на кол'есе* 12 об.

Учитывая все написания типа *л'е, л'а*, не соответствующие исходному составу фонем, в рукописи отмечаем всего 172 написания с *л'е, л'а, н'е, р'е, р'а* на месте *ле, лѣ* и т.д. Из них только девять относятся к согласным в, п, с, з (для двух первых — сомнительны, потому что связаны с заимствованными словами, ср. *н'емидоја прѣпо'асавьсе* 71). Сопоставление написаний типа *хотѣ*, но — *зър'а* показывает, что памятник отражает совпадение полумягких и мягких, но только у тех согласных, которые имели в праславянском полумягкие и мягкие варианты, именно /л/, /р/, /н/, частично и /с/, /з/.

Разъяснение этому промежуточному этапу в развитии вторичного смягчения согласных лежит в характере носового /ѣ/. В изменениях носовых гласных, отраженных Путятиной минеей, важна их позиция: в конце слов /а/, /ѣ/ изменяются с одинаковым результатом, но после определенных выше согласных изменение /ѣ/ совпадает с изменением не /а/, а /ја/. Очевидно, /ѣ/ и /ѡ/ совпадали в каком-то качестве относительно предшествующего согласного, ср. параллельные изменения в графическом выражении: *землја* > *землу*, но также и в род. п. единств. числа *землѣ* > *земл'а*.

И косвенным образом можно определить разницу в реализации /ѣ/ после гласных (обозначается знаком *је*) и после согласных (обозначается знаком *е*). Ср. в минее замену на *ѣ* после согласных и замену на *'е* после гласных в примерах типа *болѣшимь* 98, *и сѣмѣ вмѣта'а* 110, *нынѣ* 122 об — и: *красотѣ наслажда'есе* 77 об. Обычно на такие параллельные замещения не обращают внимания, но они имеются в русских рукописях XI века; к их числу относятся и русские модификации известных падежных форм, например, восточнославянск. *землѣ* при общеславянск. *землја*¹². Изменение /ѡ/ и /ѣ/ возможны только после палатального согласного, и это обстоятельство оказалось решающим в описываемую эпоху: *я̇* сохраняется дольше, чем *а*, тогда как *ѣ*, наоборот, утрачивается раньше, чем *е*.

7

Соединяя все сказанное о разных вариациях гласных нижнего подъема в зависимости от предшествующих им согласных, обнаружим самые различные попытки выйти из того положения, которое создалось в результате понижения артикуляции /ѣ/. С одной стороны, перед /ѣ/ не может стоять палатальный согласный, поэтому происходит изменение вокалической части слога: /*јѣ* > *ѣ*/, /*је* > *ја*/. С другой стороны, перед /ѣ/ сохраняется только согласный, не имеющий гоморганной ему палатальной пары, но зато сохраняется последовательно, никогда не давая изменения на /'а/ или /ѣ/. Из этого можно сделать

¹² Подробнее об этом см. статью автора *Изменение фонемы /ѣ/ в древнерусском языке старшей поры*, *Slavia*, XXXV, 1966, 2, стр. 182 - 183.

вывод, что в положении перед ϵ (т. е. перед / ϵ /) палатализованный согласный не был возможен — вывод, уже сделанный для нашего и более позднего периода на основе других данных¹³.

Давно замечено также, что в русском оригинале первых листов Остромирова евангелия, переписанных в 1056 году, ϵ и ja не смешиваются с 'а, тогда как взаимная мена $ю, оу$ — ja, a уже возможна. В рукописи XIII слов Григория Богослова смешение 'а — ϵ вообще имеет место (очень редко) только в кратком слоге, но при этом обозначение палатальных согласных дается посредством надстрочного знака \cap или ' (обычно лишь для /н/, главным образом в сочетании /гн/). Здесь нет никаких указаний на начавшееся вторичное смягчение согласных, в том числе и косвенных (например, нет стяженных форм имперфекта). Иначе говоря, отсутствие вторичного смягчения всегда совпадает с отсутствием изменения / ϵ /.

Означает ли это, что утрата ринезма у / o / предшествовала аналогичному изменению у / ϵ /? Некоторые ученые, по-видимому, ответили бы на этот вопрос утвердительно, имея в виду фонетическую несовместимость двух артикуляций гласного: напряженности и назальности. Материал древнерусских памятников также недвусмысленно показывает, что не вторичное смягчение возникало в результате утраты ринезма у / ϵ / (Н. Ван-Вейк), а, наоборот, изменение / ϵ / > / \ddot{a} / обязано вторичному смягчению согласных. Вторичное смягчение — не фонетическое, а фонологическое изменение, причины и условия которого мы здесь не будем обсуждать, поскольку это выходит за пределы нашей темы.

Как правило, в рукописных источниках, материалом которых мы вынуждены в данном случае ограничиться, отражаются (с небольшим запозданием!) только синтагматические фонемные изменения. Действительно, все приведенные выше примеры указывают либо на замены фонем в зависимости от сочетания с другими фонемами, либо на условия нейтрализации фонемного противопоставления. Чисто фонетические (аллофонные) изменения никогда не отражаются в письменных памятниках, а последовательное (например, дополнительное) распределение каких либо написаний обычно отражает результаты фонематических изменений. Нейтрализация противопоставления — также целиком фонематическое изменение, косвенно доказывающее фонемный статус нейтрализуемых единиц. Исходя из этого, следует признать / ϵ / и / a / самостоятельными фонемами праславянского языка, а утрату ринезма считать фонематическим изменением, связанным с ликвидацией различительного признака по назальности. Различные условия утраты ринезма, отраженные в наиболее древних рукописях, дополнительно подтверждают этот вывод.

Сказанным определяется наше отношение к постоянно развиваемой в по-

¹³ См.: Л. Л. Васильев, *С каким звуком могла ассоциироваться буква „нейтированный юс малый“ ...*, Русский филологический вестник, т. 69, Варшава 1913, стр. 193.

следнее время точке зрения о нефонематичности носовых гласных в праславянском языке (являлись позиционными вариантами сочетаний типа (oN), (eN)¹⁴. По-видимому, такое решение вопроса чересчур прямолинейно. Одним наличием дополнительного распределения, в котором находились *o* и *oN*, невозможно обосновать позиционный характер двух единиц. Хорошо известны примеры с английскими (*ð*) — (*ɹ*) или (*n*) — (*ŋ*), которые находятся в дополнительном распределении, но тем не менее являются самостоятельными фонемами. Ближе к нашему случаю положение с польскими носовыми гласными, которые также являются самостоятельными фонемами, хотя и вступают в дополнительное распределение с бифонемными сочетаниями.

Чтобы доказать нефонематичность праславянских /a/, /e/ следует, в частности, объяснить, почему в целом фонематичное письмо славянских первоучителей включало в себя буквы для самостоятельного выражения „аллофонов” в виде *ę*, *ą*, *ja*, почему во всех славянских языках носовые гласные впоследствии изменялись различным образом и притом не так, как дифтонгические сочетания типа *oN* и др., вариантами которых в праславянском якобы являлись носовые? Трудно допустить самостоятельное, разнонаправленное и раздельное изменение двух аллофонов прежде, чем они стали самостоятельными фонемами. Этих „почему” слишком много, чтобы от них отмахнуться молчанием. В продуманных исследованиях ведущих славистов хорошо показана функциональная важность слога в праславянском языке. Следовательно, по крайней мере в синтагматической системе [eⁿ] было важнее, чем [eN], поскольку синтагматическое членение выделяло [na-*če*ⁿ-ti] и [na*ŷ*-noⁿ], а не [na-*ŷ*p-oⁿ]. Если уж и говорить о функциональной близости [eⁿ] = /*ę*/ и [eN] = /*en*/, в таких условиях именно *ę* находится в сильной позиции, т.е. представляет собою самостоятельную фонему. Дополнительный интерес представляет вопрос, почему три носовых гласных соответствуют по меньшей мере восьми типам сочетаний ‘гласный + носовой сонорный’? Варианты каких из них носовые гласные являются? Всех — в зависимости от „происхождения”? Но тогда перед нами — результат нейтрализации, которая указывает на фонематичность носовых гласных. И т.д. Ссылки на Н. С. Трубецкого также не убедительны, поскольку он сам установил правило: два звука, находящиеся в дополнительном распределении „нельзя тем не менее считать вариантами одной фонемы, если они в данном языке могут следовать друг за другом как члены звукосочетания, притом в таком положении, в каком может встречаться один из этих звуков без сопровождения другого”¹⁵. Эта поправка к четвертому правилу выделения фонем как раз относится к нашему случаю. В самом деле,

¹⁴ Эту гипотезу Н. С. Трубецкого в последнее время повторили А. В. Исаченко, Г. Шевелев, Зд. Штибер и другие лингвисты.

¹⁵ Н. С. Трубецкой, *Основы фонологии*. Русский перевод А. А. Холодовича. Москва 1960, стр. 57.

возможно следование /oNoⁿ/ и вместе с тем самостоятельное употребление указанных единиц, ср. [zv-on'-oⁿ] — [zv-on-i-ti] — [zov-oⁿ] = звон ја — звонити — зова. Дистрибутивное ограничение фонем не определяет характера дополнительного распределения этих фонем. Поэтому в исследовании всякого конкретного изменения приходится использовать самые различные способы и средства фонемной атрибуции.

CHANGE OF NASAL VOWELS IN OLD RUSSIAN MANUSCRIPTS FROM XI c.

by

VLADIMIR KOLESOV

Summary

Two main changes of nasal vowels as phonemic transformations have been described on the basis of Old Russian manuscripts from XI c. Prosodic characteristics of syllable are general condition of phonemic neutralization *u* — *ɤ* and *a* — *ɛ*, although they are different in various dialects (the stress or the quality of the following consonants).